

Е.С. СТРОЕВ: «НЕ ИМЕЯ ОРИЕНТИРОВ, ДАЛЬШЕ ДВИГАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ»

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Потом ситуация постепенно начала меняться. Страна укрепилась. Она рассчитывалась с долгами, построила определенную вертикаль власти, обрела авторитет на международной арене. Со страной стали считаться, ее стали поддерживать — вплоть до вступления в ВТО. Но подспудно, в глубине самих народных кипений, в той "клоаке", о которой А. Кургинян говорил в одном из номеров "Политического журнала", вызревали разные позиции, разные мысли. Наверное, они выплеснутся в 2007-м — начале 2008-го, когда начнется выборная кампания в Госдуму и выборы президента.

Каждая политическая сила, организованная ли в партию или не организованная, а просто собранная в какие-то кружки или направления, за это время осмыслила свою роль в обществе, выработала свои подходы, взгляды. Эти взгляды завтра зафонтируют на поверхности общественной жизни. И когда эти гейзеры пойдут по всему нашему российскому телу, некоторые будут удивляться: что произошло? Вроде бы все было спокойно, и вдруг страна забурилась.

Между тем всякий думающий, политически мыслящий человек должен знать: эти явления не случайно родились, они имели свою основу, они готовились, вызревали, а потом выплеснулись на поверхность.

— Видимо, в Кремле понимают, что эти гейзеры могут выплеснуться, и потому принимают поправки к избирательному закону, запретив всякую негативную агитацию. Не хотят, чтобы о власти говорили плохо.

— Кто захочет сказать, все равно скажет. На то она и политика, на то она и демократия... Единственное, что я бы хотел заметить: за последние пятнадцать лет язык политики и само политическое общение настолько упростились, что сегодня самая обычная брань и мерзость стали чуть ли не нормой политической и общественной жизни. Поэтому если и принимать какие-то меры, то надо прежде всего иметь в виду культуру общения.

— Без определенного уровня политической культуры, как и без культуры вообще, любая страна не развивается — она деградирует и распадается. Без определенного уровня политической культуры, как и без культуры вообще, любая страна не развивается — она деградирует и распадается. Без определенного уровня политической культуры, как и без культуры вообще, любая страна не развивается — она деградирует и распадается.

— Откуда взяться культуре общения, когда даже в художественной литературе сейчас мат через каждое третье слово?

— Если бы только в книжках... Сегодня стало модно на телеэкранах, особенно на молодежных каналах, использовать мат как форму общения подрастающего поколения. Мат пытаются прикрывать методом "пики" на экранах, хотя все знают, что за этим сигналом стоит сквернословие — разлагающее, растлевающее ткань связи поколений, ткань самого общества.

— Когда мы говорим, что молодое поколение не любит старшее, что молодое поколение бросает в помойку детей и убивает стариков, то мы должны понимать, что вначале было слово, вначале была мысль, заложившая в голову этому молодому поколению, а потом — его поступки. С этими поступками мы сегодня столкнемся как с самым грязным явлением, против которого должны совместно выступить все веры, все конфессии, все нормальные люди. Мораль и нравственность сильнее любой конституции, сильнее любого закона укрепляют государство и общество. Но если потеряна мораль, если потеряны нравственные ориентиры, то это корабль без руля, который несет в открытом океане. Рано или поздно

то ли шторм его перевернет, то ли он на рифы нарвется...

Культура, духовность всегда выправляли и спасали народ. Вот о чем сегодня надо говорить — о традиционных, нравственных устоях — и возродить их.

— Говоря про традицию, про мораль, про устои, невозможно не спросить по поводу дискуссии вокруг преподавания в школе основ православной культуры. Крик, который стоял вокруг этого, был такой, как будто в школу пытаются пронести пулемет. Как вы считаете, эта дискуссия проявила, что в обществе есть силы, которые просто не хотят, чтобы какие-то представления о православии были в сознании молодого поколения, или это была простая глупость?

— Прежде всего на религию я смотрю как на глубочайшую культуру, которая исторически сложилась в обществе, — будь то православная, мусульманская или буддийская религия. С помощью верований, учений, догм, если хотите, она тысячелетиями пронизывала ткань человеческого сознания. И сегодня, когда мы хотим в школах хотя бы уроки по религиоведению ввести, в этом я вижу способ познакомить нынешних детей с величайшей культурой нашего народа, которая создана не одним поколением мыслящих людей.

С религией всегда боролись: и в царской России, и в советское время. С религией и в наше "демократическое" время неожиданно тоже стали бороться, смешая понятия: секты, заблуждения, извращенное сознание и огромный поток тех ценностей, которые отлучают человека от животного.

Все крупные философы и наши писатели, начиная от Достоевского, Льва Толстого и заканчивая писателями советскими, все они так или иначе приходили к пониманию того, что мораль и нравственность — это понятия, привитые с помощью религии. Поэтому борьба сегодня против введе-

ния курса православия — это борьба против своих корней России.

Я считаю, что введение такого курса в школах — это одна из форм борьбы за наше молодое поколение. Неважно, верит оно в Бога или не верит. Главное, оно познает корневые истоки нашей культуры, нравственности, да и государства тоже.

— Вы говорите о корнях общества, а вот в России постоянно говорят про национальную идею, которой якобы нет. На самом деле, она есть. Основные принципы устройства России — это соборность, это православие, это справедливость в высшем понимании этого слова и, само собой, единство. Это и есть идея. Если говорить о нынешней ситуации, о нынешней идеологии власти, которая до конца не сформулирована, но тем не менее отдельные элементы ее присутствуют в партийных декларациях, в речах Владимира Путина, в заголовках. Что бы вы могли сказать о том, как сегодня власть оформляет свою идеологию? Вот это разделение на две партии, на два крыла: одно — единство, второе — справедливость. Как вы считаете, что это такое?

— Обществоведы, политики давно оперируют такими философскими терминами, как экзистенциализм, индивидуальность, обособленность. После 1991 года и у нас пытались построить общественную модель, где демократия, права человека будут происходить только из интересов конкретной личности без учета интересов общества, общих задач, настроений.

Но потом пришли все-таки к убеждению: жить в обществе и не быть зависимым от него нельзя. Вновь обратились к понятиям "соборности", "общности", без

которых и общество, и государство невозможны. Эта тема стала открыто прослеживаться в речах В.В. Путина. Ее стали обсуждать, она наконец стала "звучать" в консолидированных решениях, в тех же законах, за которые голосуют ведущие политические силы. Наши партии в свою очередь стали понимать: не имея общих ориентиров, общих устоев, которые укрепляют общество и государственность, дальше развиваться нельзя.

Беспокоит сегодня другое. Кому-то показалось, что в ходе со-

временного партийного строительства будет правильным противопоставить такие фундаментальные ценности российского общественного и государственного организма, как единство и справедливость. Будто бы эти слова-смыслы не в одном надпартийном ряду стоят, не образуют до сего времени сам стержень жизнеспособности нашей страны.

Да, две партийные "ноги" лучше, чем одна: так государство и общество более устойчивы. Можно обратиться к океану: борются же периодически в США "слоны" с "ослами" — республиканцы с демократами, но страна не разваливается из-за этих партийных баталий. Это происходит потому, что на базовые ценности Декларации независимости, на демократию и права человека никто там не посягает, не объявляет их только своей партийной собственностью. Эти ценности выше партийных программ. Они достойнее всего американского народа.

— Мы же, думаю, как-то легкомысленно проходим мимо горького опыта борьбы с идеологией и партий в нашей собственной стране и его уроков. Эта борьба еще совсем недавно едва не привела к развалу того, что мы сегодня называем Российской Федерацией, Россией.

Сегодня в российское общество опять вброшены, а самое главное — противопоставлены в лице двух партий, два ключевых для него смысла, две ценности, две идеологии — единство и справедливость. Борьба между ними может развалить общественное сознание; может предопределить столько сюрпризов, после которых мы задумаемся: а нужна ли была такая борьба? В таких формах и именно на такой основе?

Проницательные философы и политологи понимают, что нам предложены не две партии, а две идеологии, и нам пытаются уже на новом историческом витке навязать борьбу в собственном доме, выход из которой есть один только — разрушить дом.

Плюрализм партий власти уже привел к замешательству чиновников. Плюрализм таких идеологий еще больше запутает интеллигенцию, ситуацию и людей. Это очень опасно.

— Так тем более. Сейчас по объемам производства мы еще не достигли уровня 1990 года, несмотря на огромные доходы за счет нефтегазового комплекса. Что касается конкретного производства, то мы его просто потеряли. Сколько бы мы ни говорили о запущенности заводов, фабрик, их уже давно не только останавливали, но и порезали и отвезли в Китай на ме-

таллолом. Сегодня необходимо создавать новые производства — уже на принципиально новой, наукоемкой основе с использованием нанотехнологий. Но решить эту задачу при нынешней рыхлой системе управления ни за пять лет, как в годы индустриализации, ни даже за десять лет просто невозможно.

Мы только-только подошли к осознанию необходимости начинать реализовывать политику технического прогресса на основе рыночной экономики и в то же время с использованием преимуществ нашей страны — огромных энергетических ресурсов, почвенного и климатического потенциалов, гигантских территорий.

После Второй мировой войны Европа нашла в себе силы выработать необходимый экономический механизм, поднять трудовую активность народа, чтобы двинуть экономику вперед.

Мы же порой по-прежнему думаем, что никакого воздействия на экономику не

у нас — вперёд и вверх. Никогда она так не пойдет, потому что, развивая нефтегазовый комплекс, мы совсем провалили комплекс машиностроительный. А машиностроение — это интеллект, это будущее промышленности, это экспорт, это трудовой ресурс, это воспитание кадров, особенно молодежи. Без этого ни одна страна не живет и не развивается. Абсолютно мы отстали в развитии электроники, новейших технологий. Поэтому, если мы дуем о завтрашнем дне, если хотим возродить великую Россию, необходимо бросить все ресурсы на то, чтобы быстро войти в XXI век с новейшими технологиями, не стесняясь заимствовать их во всем мире.

— Но мы же сейчас начали продвигать национальные проекты, пытаемся повысить рождаемость, но почему-то забыли о том, что человек хочет иметь детей, когда он материально благополучен, а не когда ему обещают отступить 250 тысяч через три года.

— А рад, что появились национальные проекты. Это проба сил для начала большой созидательной работы, для возрождения интереса власти и самого на-

рода к тем процессам, на основе которых будет подниматься страна.

Национальные проекты явились теми дрожжами, которые, как ни странно, прежде всего стали заво-

дывать саму власть. А вслед за этим стала проявляться потребность людей в трудовой активности.

Мы, к счастью, перестаем говорить, что наши люди ни на что не способны, не умеют работать и вообще деградируют. Через национальные проекты обозначена перспектива для нового поколения, и это поколение начинает активно заявлять о себе своим созидательным трудом в рыночной экономике.

Вот я и спрашиваю: а может быть, нам сегодня надо не копить деньги в "фондах будущих поколений", а дать возможность нынешнему поколению зарабатывать? Не "бонусы" выдавать за рождение ребенка, а стимулировать, чтобы человек стремился иметь наследников, способных освоить те деньги, которые будут заработаны.

— Не остановит ли вступление России в ВТО тот подъем, который начался у нас в сельском хозяйстве? Ведь за рубежом уровень дотаций АПК со стороны государства исчисляется миллиардами долларов. Что будет, если на наш рынок опять хлынет поток дешевой импортной продукции?

— Нас тоже этот вопрос волнует. Я встретился с президентом Башкирии, с оренбургским губернатором, разговаривал с представителями центральных регионов — Белгорода, Липецка, Воронежа и других. С министром сельского хозяйства Гордеевым обсуждали эту тему. Всех нас беспокоит, что это может остановить продвижение национальных проектов. Более того, беспокоят наши инвесторы, они готовы написать официальное письмо и высказать свое мнение. Если хлынет дотационная дешевая свинина из Америки, а им уже как бы дверь открывают, если еще через Польшу порченное мясо привезут, тогда нам надо остановить строительство животноводческих комплексов. Безаресурсное вступление в ВТО нанесет огромный вред нашему сельскому хозяйству. Нам не просто надо в ВТО вступить. Нам же надо еще и конкурировать с его членами.

Есть, правда, и другая сторона: Европа все равно никогда не сможет производить столько дешевого зерна, сколько может производить Россия.

Но нам надо успеть поднять животноводство. Есть пять лет переходного периода. Если эффективно использовать это время и плюс обеспечить защиту своих сельхозтоваропроизводителей, тогда мы сможем на равных конкурировать и осваивать современные технологии.

— Начинается очерендование регионов. Упразднение "матрешек", то есть бывших автономий, можно понять. Но что дальше? Нужно ли укрупнять регионы в той же Центральной России?

— Если кому-то надоело спокойствие в России, то можно поиграть и в эти игры. Во все времена — и в петровские, и в екатерининские, и при Иосифе Виссарионовиче — всегда это с кровью происходило. Думаю, страна еще не настолько окрепла, чтобы вытеснить ее на пустом месте сумятицу создавать. Тем более что это объединение само по себе ничего не решает — ни в экономическом плане, ни в социальном, ни в человеческом. Это уход власти от решения других насущных вопросов.

Если надо сократить бюрократический аппарат, то его можно сократить в разы и без административно-территориального пе-

редела. Недавно на совещании в Кремле приводились такие цифры: во всех европейских странах и в США количество людей в правоохранительных органах составляет 450 человек на 100 тысяч жителей, а у нас — 1200. И в то же время заработная плата у наших милиционеров — в пределах четырех тысяч рублей, то есть нищенская. А при этом еще говорим о правовом демократическом государстве, где милиционер, его родственники не имеют права заниматься бизнесом. И как ему тогда кормить семью — на четыре тысячи рублей?

Если мы хотим сокращать бюрократический аппарат, давайте начнем с огромного числа представителей различных министерств в регионах. Сейчас они — как грибы после дождя: их все больше и больше.

— Эта тенденция возникла как защита от самостоятельности избранных губернаторов. Но теперь, когда главы регионов назначаются, зачем нужны федеральные контролеры?

— Потому что процесс недоверия продолжает углубляться. Сегодня губернаторов "подвесили". Вертикаль вроде бы построили, а местное самоуправление отделено от государства. А это города-"миллионники", там 50, а то и 70 процентов населения субъектов нашей Федерации проживают. Как же так?

Государственная власть закончилась на губернаторах. А дальше — совершенно другая реальность, отдельная. Мы о стране и никак не можем найти юридический, законодательный путь для разрешения возникших коллизий.

— Вначале подкинули идею сделать хотя бы мэров столичных городов назначаемыми, потом от нее отказались...

— Дрогнули. Победил синдром выборов.

— Разве после назначения губернаторов не изменились их отношения с федеральными чиновниками на местах?

— Принципиально не изменились. Вот, смотрите сами. Сначала был принят закон о разграничении полномочий. Многие функции передали в ведение местных органов власти. Потом вышел указ президента, требующий согласовывать руководителей федеральных структур с губернаторами, но не всех — отдельных зерна, сколько может производить Россия.

Но нам надо успеть поднять животноводство. Есть пять лет переходного периода. Если эффективно использовать это время и плюс обеспечить защиту своих сельхозтоваропроизводителей, тогда мы сможем на равных конкурировать и осваивать современные технологии.

А до каких пор все финансовые потоки, все собираемые налоги будут уходить в Москву и оставаться там? Сегодня только крохи отпускаются на территории. Остальными деньгами вначале долги отдавали, потом стабилизационный фонд наполняли, а сегодня родили новую идею — фонд будущих поколений. Вниз деньги практически не идут — даже на строительство жилья.

131-й закон оказался полностью без финансового обеспечения. Руководители местных органов власти не могут зарплату даже самим себе заплатить.

— Национальные проекты явились теми дрожжами, которые прежде всего стали заводить саму власть. А вслед за этим стала проявляться потребность людей в трудовой активности.

— Тут мы снова возвращаемся к вопросу идеологии власти. Можно возродить

земство, укреплять вертикаль власти, назначать всех, даже мэров... Но если денег нет, то эта вертикаль бессмысленна, потому что она возращается к аппаратной системе без малейшего народного участия. Почему реформа откладывается? Ведь дело не только в экономике денег или нежелании их давать — это неверие в собственный народ, в управление страной.

— Я думаю, страх распада Советского Союза настолько вошел в сознание отдельных людей и политиков, что до сих пор он не пережит. До сих пор с ужасом смотрят, как страна не развалилась. Поэтому собрание денег, власти, людей, способных только стоять рядом и беспрекословно выполнять указания, превратилось сегодня в своеобразную болезнь времени, которая становится уже разрушительной силой. Чем раньше мы опомнимся и дадим простор развитию регионов, тем раньше мы спасем Россию. Еще немного оставим все как есть, и наша Сибирь сама растает.

Посмотрите на коренную Россию, на Центральный федеральный округ, где почти 40 процентов населения собралось, почти 40 процентов налоговой базы, са-

мой мощный интеллектуальный запас: институты, академии, университеты. Здесь лучший климат России, ни на юге, ни на севере нет такого климата, это замечательные почвы и, наконец, это коренной русский народ. И тут же самая низкая заработная плата (без учета Москвы) и низкий инвестиционный потенциал.

Разве мы не понимаем, что, потеряв сердце России, душу России, мы потеряем страну? Может, хоть сегодня начнем задумываться над этим явлением.

Недавно на встрече с Кудриным я задал вопрос: "Как же вы вывели наши русские регионы на такую низкую бюджетную обеспеченность?". Он ответил: "А у нас методика такая". Я ему говорю: "Так поменяйте методику! Опомнитесь! Ведь тут люди жи-

вят". Оказывается, методика дорожка, а исправлять стратегическую ошибку никто не торопится.

— И все-таки, на ваш взгляд, сегодня больше шансов на положительный исход для экономики и для граждан России? Или мы опять находимся примерно в том же положении, в каком были в 1991 году?

— Нет, конечно. Рыдать не нужно. Сегодня положение лучше: в народе созрело понимание, что мы работаем в рынке. У молодого человека появилась внутренняя тяга найти себя в этой экономике. У политических партий созрело состояние искать себя во власти.

— Когда начнется возрождение Совета Федерации как палаты регионов?

— Я думаю, что сам по себе вопрос уже созрел. Сергей Миронов уже много раз говорил, что необходимо переходить к выборной системе. "Единая Россия" на своем съезде поддержала идею прямого избрания членов СФ. А вообще я убежден, что нельзя дальше в таком состоянии держать всю систему законодательной власти. Когда депутаты Государственной Думы перестают ходить на заседания, это позор. В пустом зале принимают бюджет. Сенаторы заставляют ходить на работу внутренним регламентом Совета Федерации. Думаю, есть общее понимание того, что мы подошли к необходимости обновления наших палат.

Беседу вели Петр АКОПОВ и Константин КАТАНЯН ("Политический журнал").